

Текст · 14 декабря 2022, 10:26
Елизавета Нестерова,

«Если поставить вместе два обогревателя и спать всем рядом, жить можно». Как оккупированный Мариуполь встречает зиму

Юлия

Ехать нам некуда, мы с мужем здесь. У нас же и обыски были тут, солдаты ходили, чуть ли не в нижнем белье ковырялись. Пришли три человека, квартиру перевернули. Но это они по всем домам так ходили, даже к совсем старикам 90-летним. Искали военных, какие-то боеприпасы, ружья, может. У нас, конечно, ничего такого не было. Перерыли все фотографии в доме — наш сын там в военной форме. Спросили, где он. Мы сказали, что уехал. «Это ему крупно повезло», — сказали.

Обстановка в городе тяжелая. Дома, конечно, как-то строятся, но эти машины военные, техника, люди в военной форме по улицам ходят. Очень страшно вообще в городе находиться, особенно на улице. Стало много российской полиции еще тут, ДПС много ездит. Они на улицах людей останавливают, расспрашивают, проверяют карточку о фильтрации. Ищут, остался ли кто-то, связанный с ЗСУ^[1].

Фильтрацию проходили все, даже совсем старики. Все, кто есть в городе, проходили это: задают вопросы, лазят в телефоне, фотографируют тебя с трех сторон, снимают отпечатки пальцев. Если их все устроило, дают крохотную бумажку, размером, наверное, со

спичечный коробок. На одной стороне имя, на другой — написано, что фильтрацию прошел. И по городу только с этой бумажкой можно ходить. Мы фильтрацию проходили в июле — без этого работать не дают.

Из работы тут, наверное, только стройка и осталась. Разбирать развалы, собирать мусор, металлолом в кучу сгребать. Только там российским подданным платят большие зарплаты, а наши люди получают копейки. И вот мы эти развалы разбираем. Мы с мужем на заводе всю жизнь проработали, так что справляемся. Муж им там какие-то кабеля кладет, я в основном крашу.

На улицах беспокойно. Недавно перестрелка какая-то в час дня была. Мы с балкона слышали автоматную очередь. Из-за такого положения, я так понимаю, и гражданские могут с оружием ходить — и автоматы, и ружья, и все, что хотите, сейчас. Ну а после случившегося тут много неадекватных людей. Поэтому стараемся на улице меньше показываться, лишний раз из дома не выходить — только на работу и в магазин. Дома сидим.

А дома холодно очень, тепла нет вообще, хотя, например, наш дом не сильно пострадал. Вода и свет есть, правда очень часто отключают, а вот с теплом совсем тяжело. Все болеют, кашляют, у меня самой острый бронхит. Но не ходить на работу я не могу, потому что без денег останусь — больничные они нам не дают, а еще отчитываться потом перед ними, что проболел, а не прогулял.

Антон

Я инвалид II группы, психиатрия, неудобно, что справку об инвалидности не продлить — в Мариуполе сейчас нет психиатров, придется ехать в Донецк рано или поздно.

На работу я по инвалидности не хожу, получаю пособие 10 тысяч, живем с мамой на это, можно сказать, нормально: продукты нам какие-то дают — макароны там, сахар. За коммуналку-то много не выходит — вода, вывоз мусора до 1 января бесплатные, только за свет и газ надо платить, а газа у нас в доме и нет. Мы с мамой в мае в Таганрог ездили, купили там газовый баллончик на пять литров. Вот на нем сейчас готовим. А так люди без газа готовят по-старинке, как весной — на кострах, на улице.

Мариуполь, ноябрь 2022 года. Фото: Александр Ермоченко / Reuters

В целом, город уже намного лучше, чем было весной. 10 сентября заработали школы. Ну, некоторые, которые отстроить успели. Так что куда-то детки ходят, а где-то онлайн занимаются — думаю, они не в

обиде. В городе стало очень много машин и автобусов — пока общественный транспорт весь бесплатный.

Во многих домах все еще нет ни воды, ни света, ни газа, но потихоньку что-то там подключают, чинят. Ну, высокие дома, частные пока не чинят. Тепло вообще мало где есть, если чем-то сейчас получается греться, то обогревателями. Остались от некоторых домов еще головешки, конечно, но и много новых домов отстраивают, обещают там квартиры тем, кто жилье потерял. На следующий год, наверное, дадут квартиры.

Выдают сначала, вроде, тем, кто совсем без дома остался. Но там надо принести бумажки всякие, документы, доказать, что твой дом разрушен. Бюрократия, в общем. У нас вот соседка новая — у нее все документы сгорели вместе с домом, ничего нет, доказать не может. Ее добрые люди к себе пустили. А кто-то снимает теперь жилье, только тут очень дорого это стоит сейчас, как по мне — от трех-четыре тысяч.

Правда, есть еще общежития — раньше они были гостиницами, летом их быстренько подправили, там жить сейчас могут те, кому негде больше. Но там свои проблемы — в общежития нельзя с животными. А кто-то через все обстрелы прошел со своей собакой или кошкой. Это же друзья, они в страшное время хранят нас — чувствуют опасность. Друзей на улицу не выгоняют, так что есть люди, которые до сих пор спят в подвалах — если дома нет, с животными только в подвал.

Анна

Моей дочке три, и мы жутко мерзнем — даже с обогревателем. Чтобы было теплее, я, дочь и обогреватель перебрались к соседке — если поставить вместе две батареи и спать всем рядом, жить можно, хотя кашель у меня не проходит уже месяц. Обогреватели сюда привозили какие-то волонтеры из Москвы — брать не хотелось, но мне надо как-то греть ребенка.

Весной я приноровилась готовить еду на костре, но сейчас делаю это редко — хотя дочке нравится жарить хлеб. Выживаем за счет полевых кухонь в основном, там всем дают еду и не задают особо вопросы. Когда продукты раздавали весной, девчонка там мне сказала: «Ну как вы, устали от бандеровцев? Теперь вот мы кормить приехали». А я «бандеровцев» в жизни не видела. С другой стороны, понятно — точка «Единой России», чего от них ждать.

Много стало в городе людей новых. На стройки свезли в основном таджиков, они очень милые ребята, вроде, хоть мы и не особо пересекаемся. Наши многие тоже на стройках — разгребают завалы собственных домов. Чеченцы ходят по улицам — ничего такого у меня на глазах они не делали, но я их все равно боюсь. Всегда ускоряю шаг, когда их вижу, они ничего не говорят, но ухмыляются.

Зачем-то еще летом я прошла фильтрацию тут. Сейчас уже жалею — так как я никуда за пределы города не уезжала, кажется, что могла избежать всех этих вопросов. Из-за того, что у меня ребенок, много спрашивали, кто отец, все пытались поймать меня на том, что он [украинский] военный.

Чему я действительно радуюсь — так это тому, что почти пропал этот трупный запах, который летом еще душил. Откапывать тела стали месяца через три-^[2]. Сначала надо было мины убрать — говорят, для этого привлекали украинских пленных. Потом МЧС, похоронки эти приезжали, люди им показывали, где могилы, которые они сами же делали, тела забирали и увозили на кладбище.

До меня доходили слухи, что людей заставляли самих разрывать могилы во дворах, чтобы эмчеэсники просто забрали, но сама такого не видела.

[Сотрудники российского МЧС] сами приезжали, копали, увозили. Некоторые, правда вели себя так, как будто делают одолжение — приехали, типа помогают, за гроб не надо платить. А мы и без помощи тут нормально жили раньше.

Редактор: Дмитрий Ткачев

-
1. Збройні сили України. Россияне называют Вооруженные силы Украины другой аббревиатурой — ВСУ.
 2. После захвата города российскими военными.